

Главное: Arcana 7

Во что превратилась постепенно эта затянувшаяся игра видно из следующей забавной истории.

«В 1612 году Уильям Джаггард, издатель английских сочинений Бэкона и один из издателей Первого Фолио, человек в своих кругах в высшей степени уважаемый, опубликовал поэтический сборник стихотворений Шекспира, куда включил под его именем два стихотворения Томаса Хейвуда. Хейвуд посещал замок Бельвюар с трупой актёров королевы Анны, жены Иакова, был знаком с графом и знал горестную повесть его супружеской жизни. В вышедшем в том же году памфлете «Защита актёров» он упрекнул издателя в обмане: «...Должен упомянуть нанесённую мне обиду. Сочинённые мной два письма от Париса Елене и от Елены Парису опубликованы под именем другого автора. А это может создать ложное впечатление, будто я украл у него стихи (они ранее публиковались), а он, чтобы восстановить справедливость, издаёт их теперь под своим именем. Должен признать, мои стихи не достойны имени такого автора. И он, как мне известно, очень оскорблён произволом со стороны мастера Джаггарда, позволившего себе без его ведома так вольно обойтись с его именем».

Это высказывание Хейвуда обойдено вниманием критиков. А ведь оно исключительно важно прежде всего потому, что Хейвуд не называет поэта по имени и предельно почтителен по отношению к нему. Мы слышим в его высказывании возмущённую интонацию великого поэта, который знал себе цену, как и его окружение, и не мог так просто согласиться, чтобы *имя его* (!) ставилось под слабыми стихами, не им сочинёнными».¹

Да, Рэтленд воистину заигрался. Причём обратили внимание, что когда псевдоним появился под слабыми пьесами подельщика, «Шекспир» не возмутился (Sic!).

Шакспер же корёжил тексты как хотел. Если пьеса была успешна, то запись живого спектакля публиковали с предупреждением, что, например, «так игралась эта пьеса слугами Лорда Камергера такого-то числа, такого-то года там-то и там-то». Вот что пишет один из слепых стратфордианцев в возмущении о подобном издании «Генриха V» 1600 года, подписанным «Уильям Шекспир»: «Было ещё два издания этого неприличного кварто, предположительно да-

¹ 3; 549-550.

Настенный памятник Шекспиру
в Стратфордской церкви

физиономию улучшить оказалось невозможно. Пират без кавычек оскорбил бы «пирата Её Величества» адмирала Дрейка, много сделавшего для утверждения господства Англии на море. Так что м-р Негодуй высек сам себя. Но что удивительно: выписывая тщательно количество строк “неприличного” издания, он даже не обратил внимания, что это (1623) – год издания Первого Фолио! – Такова мистика ситуации: в 70% случаев события были выстроены эзотериками, но 30% – чудеса Высших Сил. Это – одно из них.

Подгонял ли Ф. Бэкон год издания, или «так получилось», но его имя и фамилия точно легли в цифровой эквивалент года издания Первого Фолио: **F. Ваc(on)** = (f-6) (b-2) (a-1) (c-3) – (1623).

То же можно сказать и о дате смерти Шакспера: 23 апреля 1616 года = 16 (одна из половин последней даты) & 23 (дата первая) = 1623.

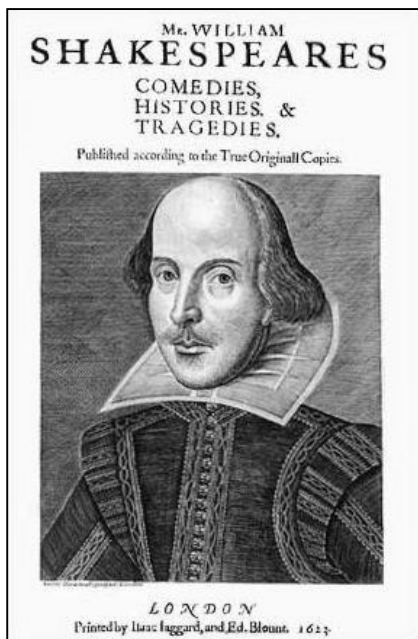
Воистину, «слава Господа – прятать, слава людей – находить». Итак, Первое Фолио, 1623 год. Книга открывается «портретом» “вместоблюстителя”, сделанного с большой “подковыжкой” (в смысле: «под кого копаете»?!): одутловатое *ляцо* (лицо яйцевидное), меш-

тированные 1602 и 1608 годами, первый раз настоящая пьеса появилась лишь в Первом Фолио. Тысяча шестьсот двадцать три строки пиратского кварто были заменены улучшенным текстом, более чем в два раза превосходившим в длину пиратский».¹

Насчёт «пиратский» дядечка погорячился – “пиратом” был Шекспир, который набивал мошну шальными деньгами, как он и был запечатлён на памятнике, поставленном ему Бэконом со товарищи; гравюры того времени запечатлели пайщика с нахапанным гонораром.

Потом памятник в связи со всемирной славой *Ш.-С.* облагородили; в пальцы ввинтили перо, но сальную

¹ Lee S. A Life of William Shakespeare, 250-251 (3; 550-551).

Титульный лист Первого фолио

Иоанна Крестителя) имеет символический рисунок: две параллельные полосы – символ двух основных исполнителей Проекта: Бэкона и Рэтленда; четыре видимых луча – другие участники Проекта: Рэли, Саутгемптон, Оксфорд, Дерби; столько же и с другой стороны, плюс невидимые сзади: итого $12+2=14$ (около) участников, 14-й аркан Таро *Время*. Да, розенкрейцеры *сотворили* и стали ждать – окажется ли их детище жизнеспособным. *Время* показало: да, и даже слишком – чем дальше, тем больше возростала слава. “Вместоблюститель” стал выглядеть глупо и дико – как некий памятник фаллического культа с глазами. В издании Джона Бенсона «шекспировских» поэм и сонетов маска оставлена без изменения, но сумма участников проекта была явлена чётче: лавровая ветвь в правой (зеркально) руке фигуры – в белой перчатке, орденом знаке – имеет отдельно (до ладони) два «главных» листа и более десяти над рукой – остальные участники; не забыта и Лиза Рэтленд – светлый лист с противоположной стороны (до ладони). В Первом Фолио «портрет» сопровождает на развороте стих биг Бена:

¹ См. напр. 3; 349-350.

ки под глазами (потом стало ясно, что это *мешок* с памятника в Стратфорде), – голова отрезанная, на блюде воротника.

Но это-то же символ 20-го аркана Тарота *Воскрешение* (из мёртвых), иероглиф буквы иврита *Решу*, ему соответствующий! Именно таково было задание тома, выпускаемого к 10-летию со дня смерти Рэтленда (и Элизы). Кафтан, изображающий две правые руки (в зеркальном – *гравюра* – отражении)¹, имеет 13 пуговиц – 13-й аркан *Смерть и преображение*, что Высшие Силы проакцентировали пожаром театра «Глобус» в 1613 году, который подвёл черту под деятельностью Концессии. Воротник – блюдо (на котором когда-то была доставлена Ироду-Антипе отрубленная голова

«Фигура, та, что здесь ты зришь,
Принадлежит Шекспиру лишь;
С природой резчик вёл борьбу,
Чтоб жизнь поймать в ней, как рабу:
Коль мог быть схвачен самый ум
И врезан в медь превыше сумм
Сих черт, что должен лик иметь,
Была бы впредь бессмертна медь;
Но раз не получилось так,
Зри лучше в книгу ты, бедняк». (Перевод мой – ОК.)

Подпись под портретом 1640 года позабористее (в смысле: «по-молился на забор»):

*This Shadowe is renowned Shakespear's? Soule of th'age
The applause? delight? The wonder of the Stage.
Nature her selfe, was proud of his designes
And joy'd to weare the dressing of his lines;
The learned will Confess, his works are such,
As neither man, nor Muse, can prayse to much,
For ever live thy fame, the world to tell,
Thy like, no age, shall ever paralell.¹*

W. M. Sculpsit.²

*Неужто это Отражение в зеркале и есть прославленный
Шекспир? Душа этого века,
Этих восторгов? Наслаждения? Чудо этой Сцены.
Сама Природа горда его чертами
И рада одеваться этими линиями;
Знающие будут уверены, что его труды таковы,
Что ни человек, ни Муза не могут их переоценить;
Да вечно живёт твоя слава для славословья миру
И по нраву тебе, не только веку, что да будет параллельно.*

В. М. Скульпсит.

Скульпсит – статическая противоположность *Скульптиору*, хотя это всё тот же W(illia)M – *will Confess*.

Портретное изображение в овальной раме – всегда *отражение в зеркале*; если так, перчатка у Ш.-С. на *правой* руке, смотрит он

¹ Так в оригинале.

² 2; 182. В описание гравюры вкрались ошибки (181).

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

вправо, а плащ накинут на *левое* плечо. Три вопроса – триквест – посвятельная норма для испытываемого; для входа внутрь надо ответить на все (вспомните *Искушение в пустыне*).

Но вот вопрос, которого почему-то никто строго не задавал: а кого конкретно изображает «портрет» в Первом Фолио (и, соответственно, его перерисовка 1640 г.)? Пайщика Шакспера? Шута кого-то из господ (типа Тома Кориэта)? Абстрактную физиономию, подогнанную под нужды издания? Давно обратили внимание, что физиономия с памятника (судя по гравюре У. Дагдейла) и маска-шоу Дройсхута из Первого Фолио сильно рознятся между собой. Бородастый тип с мощными усами, загнутыми вниз (гравюра 1709 г. в книге Н. Роу это подтверждает) – и безбородый (не считая куста под нижней губой) с пёрышками усиков и мешками под глазами застарелого почечника – что общего, кроме залысины и неприязненности в лице? И каково было задание гравюры для Первого Фолио: приблизить изображение к стихам – или “отвести глаза” читателю от подлинного автора? Если авторов было двое (плюс “бригада пасующих”) о каком *одном* лице могла идти речь?

У русского читателя есть прекрасный проясняющий дело прецедент: *Козьма Прутков*. Придуманый, но абсолютно достоверный, автор графоманских стихов, претенциозных афоризмов и «хвилосовских ассенитенций» – плод коллективного творчества *графа* А. К. Толстого и его кузенов братьев Жемчужниковых. Было создано – в одной стилистике! – не только текстовое наследие эфемерного автора, но и его воображаемый «портрет» (с бородавками для достоверности).

С одной стороны это была «простонародная» авторская маска, как *Иван Петрович Белкин* А. С. Пушкина, *Рудый Панько* Гоголя, казак *Луганский* В. И. Даля, *Гамозейко* А. Вельтмана, *барон Брамбеус* О. Сенковского; с другой – самостоятельный автор, которому *не* вручались свои собственные произведения из соображений секретности и анонимности, а писались самостоятельные, отдельные опусы с уже заложенной в глубину текста пародийной тривиально-

стью, оксюморонностью, гротесковой псевдоглубокомысленностью, сентенциозностью, наглой самоуверенностью. Как кукловоды за ширмой братья Т.-Ж. и не скрывали конвенционность и условность своей затеи и достигали правдоподобия безусловной высотой искусства в жанре сатиры, пародии и гротеска. В конце концов, Козьма Прутков стал *отдельным*, четвёртым автором в их компании; его стиль не был похож на стиль трёх поэтов по отдельности. Достоевский, всю жизнь люто завидовавший Алексею Константиновичу, попытался повторить успех компании в своём Фоме Опискине и капитане Лебядкине, достиг высот, но превзойти троицу так и не смог. *Прутков К.* – известный русский литератор со своей квазибиографией (чиновник Пробирной палатки etc.); его сочинения не входят в собрания сочинений братьев Т.-Ж.

Рэтлендовский Кориэт – вроде Пруткова, только с живым носителем измышленного ему творчества и биографии («великий путешественник»). «Потрясающий копьём» – коллективный псевдоним, аналог Козьме Пруткову. А началось всё с Галлиониса, который в послеуниверситетские годы стал предшественником шута Кориэта, то есть был первым сатирическим филиалом Рэтленда-Шекспира, что и было отражено в поэтической среде выпускников Кембриджа, откуда вышел трехчастный капустник-бурлеск «Паломничество на Парнас» и «Возвращение с Парнаса» ч. 1&2 (1598-1600). Галлио (gull, *англ.* – галка, птица; шут, паяц) – “аристократ самоучка”, щёголь, “трепач Большого театра”, выпендрёжник. Его оппонент-напарник Инжениозо (Простофиля) ведёт с Галлио затяжные словесные перепалки, обыгрывая расщеплённость с “Шекспиром”, который подаётся как великий поэт и драматург. Галлио тоже пишет стихи, но он не только поэт (высокого о себе мнения: «Его (Филипа Сидни) «Аркадия» превосходна, так же как и мои сонеты»), но и известный (не под этим именем, разумеется) меценат, покровитель учёных и писателей. «Недавно меня восславил в своей эпиграмме один кембриджец, Уивер (Weever)¹, мой однокашник (fellow). Я велел ему больше не пытаться толковать о моих достоинствах, но я оценил его старание и удостою своей благодарности, когда встречу». Пропесоченный за панегирик (The first weeke; Epig. 13) Уивер врезал ему, уже «Галлио» в The second weeke; Epig. 21: «In obitum sepulerum Gallionis».

¹ Уивер, Джон (1576-1632).

*Here lies fat Gullio, who caperd in a cord
To highest heau'n for all his hude great weight,
His friends left at Tiburne in the yere of our Lord
1 5 9 and 8*

*What part of his body French men did not eate,
That part he giues freely to worms for their meat.*

*Здесь покоится упитанный Галлио, который до небес
Дрыгался на верёвке всем своим огромным весом.
Его приятели остались на Тайбурне¹
В году тысяча пятьсот девяносто восьмом.
Ту его часть, что не успела сожрать французская болезнь,
Теперь улетают земляные черви.²*

Вот для сравнения начало «эпиграммы» Шекспиру:

*Медоточивый Шекспир, когда я увидел твои стихи,
Я поклялся, что их мог написать только сам Аполлон...
(The fourth weeke; Epig. 22)*

В пьеске есть такой, например, диалог:

*«Галлио. Прости, прекрасная леди, что теряющий рассудок
Галлио обращается к тебе как смелый кавалер.*

*Инжениозо (в сторону). Сейчас мы получим не иначе как чистого
Шекспира и обрывки поэзии, которые он подобрал в театрах».*

Инжениозо просто подыгрывает Галлио, подмигивая при этом тем немногим зрителям (и читателям), которые знают, о ком и о чём здесь идёт речь. И далее:

*«Галлио. Прости меня, моя возлюбленная, поскольку я –
джентльмен. Луна по сравнению с твоей яркой красотой – просто
шлюха, Антониева Клеопатра всего лишь черномазая доярка, а Елена
Троянская – уродка.*

¹ Тайбурн – место казней в тогдашнем Лондоне.

² Эпитафия на покойного (прежде беспокойного) Галлиониса:

*Вот здесь зарыт Галльо, что до небес
Вздымал с верёвки свой огромный вес;
На Лобном месте в стих других возьмём
В тыща пятьсот девять-на-сто восьмом.
Ту часть, что не успела съесть болезнь
Французская, съест червь. – Он хочет есть! (Пер. мой – ОК).*

Инжениозо. Видите – «Ромео и Джульетта»! Какой чудовищный плагиат. Пожалуй, он ещё преподнесёт нам целую книгу Сэмюэла Дэниэла¹.

Галлио.

О ты, кто для меня всего милей,
Цветок полей и воплощенье грёзы,
Ты лучше нимф, ты краше всех людей,
Белее голубка, алее розы!
Одарена такую красотой,
Что мир погибнет, разлучась с тобой».

Как и предупреждал Инжениозо, Галлио говорит словами Шекспира – это вторая строфа из «Венеры и Адониса», лишь слегка изменённая им в одном месте. И Инжениозо реагирует адекватно: «О, сладостный мистер Шекспир!» Что именно он имеет в виду? Выражает ли он удовольствие, услышав знакомые шекспировские строки, или он так обращается к Галлио? Или – и то и другое? Далее Галлио демонстрирует нешуточную начитанность в английской поэзии, цитируя строки Спенсера, Кида, Марло, объясняя восхищённому Инжениозо: «В то время как другие кавалеры дарят своим дамам сердца драгоценные камни и золото, я предлагаю им бриллианты моего ума, моего воображения, ценность которых воистину неизмерима».

Галлио торопится на званый обед, где его ожидают друзья – некая графиня и лорды. Поэтому он поручает Инжениозо набросать для него любовное стихотворенье.

«Инжениозо. Моё перо – ваш верный вассал – ждёт ваших приказаний. В каком роде надо для вас написать?

Галлио. Не в одном роде... напиши в двух или трёх разных родах, как у Чосера, как у Гауэра, как у Спенсера и как у мистера Шекспира. Мне бы очень понравились стихи, которые бы звучали так:

Как только диска солнечного пламя
Швырнул в пространство плачущий восход... и т.д.»

Эти стихи – начало шекспировской поэмы «Венера и Адонис», а пометка «и т.д.» в тексте пьесы означает, что исполнитель роли Галлио должен продекламировать всю строфу, а может быть и более того. Но Галлио не успокаивается: «О, сладостный мистер Шекспир! Я повешу его портрет в моём кабинете при дворе!»

¹ Дэниэл Сэмюэл – один их ярких поэтов-елизаветинцев, сподвижник Рэтлендов.

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

Конечно, это подсечка. Разговор двух “*комикадзе*” не может не перемежаться ударами палкой, зуботычинами, “гамбитами” и заушениями. Подковырка насчёт подбирания в театрах обрывков чужой поэзии прославляет похвалы и славословия. Мениппейное восклицание насчёт портрета и «моего кабинета при дворе» ещё более путает словесный серпантин и канитель остроумия. Конечно Галлио смеётся: как известно, ни одного достоверного прижизненного портрета “Шекспира” никогда не было и быть не могло.

Инжениозо декламирует стихи из «Троила и Крессиды» Чосера (с некоторыми собственными добавлениями), но Галлио бранит и его и Чосера, отвергает Спенсера и настойчиво требует поэзии «в духе мистера Шекспира». Только когда Инжениозо читает свои стихи, имитирующие шекспировские, Галлио удостаивает его похвалы: «Достаточно, я из тех, кто может судить по достоинству, как в поговорке: “Узнаю быка по когтям”¹. (Вспоминается Прутковское: «Если на клетке со львом увидишь надпись “Буйвол”, не верь глазам своим» – ОК.) Хвалю тебя, в этих стихах есть подлинная искра. Пусть другие хвалят Спенсера и Чосера, я же буду поклоняться сладостному мистеру Шекспиру и, дабы почитать его, буду класть его «Венеру и Адониса» под свою подушку, как это делал, как говорят, какой-то король, который спал, положив книги Гомера в изголовье».

Галлио произносит длинные тирады со ссылками на Цицерона и Ронсара, даёт свой перевод малоизвестной итальянской поговорки, свободно цитирует по памяти Вергилия, замечая при этом, что правильную латынь, такую, как у него, можно услышать только в Реймсе или в Падуе: «Это мой обычай использовать в разговоре знание латинских, греческих, французских, итальянских, испанских поэтов». Неоднократно Галлио говорит и о собственной поэзии, слава о которой, оказывается, уже разнеслась по всей стране! Но – «наши английские *профаны* кое в чём извратили благородный дух моей поэзии».

Ну вот и проскочило ключевое слово, прочертившее демаркацию орденского и профанного.

Хотя Инжениозо часто отпускает в сторону саркастические реплики в адрес Галлио, его поэтических занятий он не осмеивает. Более того, он выполняет распоряжение Галлио (ибо тот действительно не просит, а распоряжается) написать (набросать) для него стихи

¹ Галлио пародирует известную латинскую поговорку: «Узнаю льва по когтям». Пушкин тоже прошёл на эту тему.

о его даме сердца и диалог между ней и Галлио. «Потом я вернусь, – говорит Галлио, – и просмотрю эти стихи, подправлю и доведу до совершенства».

Таков творческий метод “Шекспира” (Рэтленда/Бэкона со товарищи). Вот откуда несусветное количество продукции, включая две книги Кориэта (кроме «Нелепиц» это «Капуста, или Игра в слова») и редактуру Библии Якова. Причём – всё об этом написано, чёрным по белому, без обиняков, чётко. Остается только проглотить.

Итак: один делает литературные заготовки, а другой их корректирует и доводит до совершенства. И в таких литературных подмастерьях у Галлио, судя по всему, ходит не один Инжениозо, но и другие, окружающие эксцентричного мецената, «гении и их компаньоны». Постоянные восхваления “Шекспира”, декламация шекспировских стихов (не так уж широко тогда распространённых) заставляют внимательно приглядеться к фигуре Галлио. Ведь таких шумных восторгов и такого знания шекспировских текстов мы больше не встретим в эту эпоху нигде!

Но кто же он, Галлио? Ясно, что он не простой студент (или бывший студент) Кембриджа. Он – аристократ, его друзья – графы и лорды, он был недавно в других странах, в том числе в Италии, участвовал в походах Эссекса, собирается в Нидерланды, он – кембриджец, но у него есть кабинет и в Оксфорде и при дворе. Мы узнаём также, что он учился в университете в Падуе и приобрел драгоценный меч из толедской стали, что некий граф хотел бы выдать за него свою дочь. И при этом он, оказывается, известный, даже прославленный поэт, для которого университетская (или выпускниковая) пишущая братия делает поэтические и драматургические заготовки!

Инжениозо представил молодого эксцентричного лорда как шута, и это именно такой – а может, и тот самый шут, каким хочет быть Жак-меланхолик:

«Я жду как чести пестрого камзола (motley)!»

Но вернемся к «эпитафии» Уивера.

Раблезианская эпитафия – органическая часть розыгрыша, в центре которого – молодой лорд, кембриджец, однокашник Джона Уивера и собрат Жака-меланхолика; Галлио – его шутовское имя и *шутовская личина*, над которой посмеивается и он сам, и подыгрывающий ему Инжениозо.

Но как только выясняется, что Галлио, “Шекспир” и Рэтленд – одно лицо, а это лицо ещё и добрая душа Жак Меланхолик, возникает

ЧУДО АНГЛИЙСКИХ РОЗЕНКРЕЙЦЕРОВ

ет недоумение: Рабле – Раблэй, но обозвать «жир-трестом», вздёрнуть на виселицу, наградить с вручением “орденом Сифилиси” – не слишком ли? На миниатюре Оливера перед нами щупленький маленький аккуратненький мальчик, а не одышливый оковалок в кресле на колёсах, каким Рэтленд станет к концу жизни. Что это – провиденье? предсказание? навет?

А как же Жак-меланхолик, плачущий над раненым оленем?..
Постойте:

Старый герцог (Жаку)

Ведь ты же сам когда-то был развратным

И чувственным, как похотливый зверь:

Все язвы, все назревшие нарывы,

Что ты схватил, гуляя без помехи,

Ты всё бы изрыгнул в широкий мир.¹

Поскольку здесь явно самобичевание, то мы только с грустью отметили, что перед нами «случай Шуберта», и тогда «платонический брак» получает своё медицинское, а не декадентское объяснение. Как и самоубийство жены, которое супругами было заранее согласовано (Рэтленд не оставил Елизавете в завещании ни пенни). Понятны и героические усилия У. Рэли своими препаратами спасти гения. Но, видно, все знали подоплёку, и эвтаназии адмиралу никто не инкриминировал, когда он в конце прислал вдове яд.

«Эпитафия для покойного Галлио», написанная Уивером, вероятней всего, намекает на шекспировского Фальстафа, которого – вместе с его дружками и собутыльниками – принц Гарри, став королём, отдаёт в руки правосудия. С этим согласуется и переданный одним современником Шекспира слух о том, что именно Шекспиру принадлежит кличка «сэр Джон Фальстаф». Фальстаф – ипостась Галлио, а оба они с их тучностью и одышливостью – гротесковый автопортрет Рэтленда.

«Мало кто из университетских перьев умеет писать хорошие пьесы, – заявляет актёр Кемп. – Наш кореш² Шекспир всех их побивает, и Бена Джонсона в придачу.

О, этот Бен Джонсон – зловредный тип. Он вывел на сцене Го-рация, который даёт поэтам пилюли, но наш кореш Шекспир устроил ему самому такую чистку, что он потерял всякое доверие».³

¹ 9, т. 7; 62.

² Fellow. Речь идёт об актёрах труппы лорда-камергера.

³ По 2; 288-304.

*Жак. Оденьте в пёстрый плащ меня! Позвольте
Всю правду говорить – и постепенно
Прочищу я желудок грязный мира,
Пусть лишь моё лекарство он глотает.¹*

Теперь мы понимаем, что огненная экстравагантность Рэтленда была связана не со снобистским выпендрёжем, а с тем, что судьба завела ему часы на короткий срок, и он должен был делать не только выигрывающие ходы, но и постоянно поглядывать на часы. И играть одновременно “на нескольких досках”.

*Жак. Весь мир – театр.
В нём женщины, мужчины – все актёры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый **не одну играет роль.**²*

¹ 9, т. 7; 62.

² 9, т. 7; 66-67.